

пушкинского мира стоит глубокая истина. В самом деле, его открытость, его всепускающая «пустота» обеспечены, если позволительно сказать, его неприступностью. Пушкин хранит чистоту своего мира, как можно хранить святыню. «Евгений Онегин» похож на ярмарочную площадь. Однако мы почему-то сразу соглашаемся с Непомнящим: «...внутренняя и главная область романа — при всей импровизационности и доверительности «болтовни», при всей множественности слышащихся в нем голосов — это область сосредоточенного и глубокого безмолвия... под покровом внешней «легкости» и «раскованности» есть... нечто строгое, нечто как бы даже сакрально суровое». Это «сакрально суровое» слышится во всем Пушкине, от неожиданного «монаха» в конце его первого лицейского стихотворения до «Отцов-пустынников» 1836 года.

И вот этой своей неприступной высотой пушкинский мир предполагает безоговорочную власть общезначимого и общеобязательного нравственного закона. С человечеством, которое перестало слышать голос этого закона, Пушкину было бы нечего делать. Его поэтическому миру действительно отвечает в житейском только одно — трезвенная серьезность духа, и без понимания этого обстоятельства нет надежды понять ни возрастание поэзии Пушкина с годами, ни его личную судьбу.

В. Бибихин.

Е. КНИПОВИЧ. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М. «Советский писатель». 1987. 143 стр.

Книга эта — своеобразное лирико-научное исследование мемуариста и искусствоведа. Взаимопроникновение жанров и диффузия временных пластов («тогда» и «через шестьдесят лет») воплотились в гармоничное единство — автор обращается к творчеству Блока и как исследователь, и как человек, связанный дружескими отношениями с поэтом в последние годы его жизни.

Евгения Федоровна Книпович и Блок познакомились в январе 1918 года. Это месяц рождения революционного «триптиха» — «Интеллигенция и Революция», «Двенадцать», «Скифы», — по определению Ст. Лесневского, «великого воплощения «музыки» социалистической революции». В новой книге о Блоке основной стала тема революции и культуры. Она прослеживается в обращении автора к поэтическому и публицистическому творчеству Блока, в давних беглых записях и сегодняшних комментариях, в воспоминаниях о встречах и совместной работе.

«Мы делаем такое дело, у которого опыта еще нет, его надо заново создавать. А чтобы его создавать, нужна полная и глубокая уверенность, что дело это очень важное и крайне необходимое», — полагал Блок, размышляя об участии интеллигенции в после-революционном созидании культуры. В том же январе 1918 года Блок записал в дневнике, что крылья у народа есть, а помочь

ему надо в знаниях и умениях, и Книпович вспоминает, как с первых дней знакомства ощутила, «тогда еще не очень понимая и обобщая, эту неразрывную в сознании Блока связь между крылатой и рабочей стороной культурного строительства».

Книпович и Блок сотрудничали в одном отделе Наркомпроса — театральном: Блок был его руководителем, а Евгения Федоровна ведала группой архивных разысканий репертуарной секции. Автор книги комментирует высказывания Блока о шекспировской драматургии и ее героях, о русской драме, об опере Вагнера, о героико-романтических постановках Шиллера. Книпович вспоминает также о случаях непосредственного обращения Блока к революционной массе. Одно из них — вступительное слово Блока перед красноармейцами петроградского гарнизона, пришедшими в Большой драматический театр на спектакль «Дон Карлос», — говорит о степени включенности Блока в умонастроения тех лет: «Вдумайтесь в то, что вы сейчас увидите. Легко ли, сладко ли жить той волчьей стае, которая осталась царствовать на земле после того, как погубила все доброе? Нет, такая жизнь — не жизнь. Легче таким людям, как эти жестокие и залитые кровью сыщики, удавиться, чем жить на свете. Ложь и зло сами себя губят, за всякое злое деяние человек рано или поздно получит возмездие».

Книга насыщена свидетельствами литературных симпатий и антипатий Блока, вызскательности его вкуса.

В 1920 году, готовясь издать «портативного» Пушкина для нового читателя, Блок обсуждал с Евгенией Федоровной принципы отбора материала: «Каждое исключенное стихотворение вызывает ощущение пореза на живом теле. Наконец, совершенно отчаявшись, Блок сказал: «Начнем брать только от „Редет облаков летучая гряда“». — «Почему?» — «Оно первое, от которого подступают слезы»...». Такие воспоминания и многозначительны и бесценны.

Иванов-Разумник заявлял, что после января 1918 года Блок не нашел себе места в строительстве нового и стал угасать, выполняя культурно-просветительные обязанности ради хлеба насущного. «Это неправда, — возражает Книпович. — Или, точнее, одна из тех отвратительных обывательских полуправд, которые, упрощая, в корне извращают подлинную правду». И в новой книге Книпович отражена активная творческая деятельность Блока в годы их знакомства вплоть до последнего поэтического поклонения Пушкину —

Уходя в ночную тьму
С белой площади Сената.

М. Вашкевич.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЮНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДА. Составитель В. И. Новиков. М. «Педагогика». 1987, 416 стр.

Четыре года назад вышел языковедческий том словаря юного филолога. Само разделение такого «школьного» филологического словаря на лингвистику и литера-